

Ирина КОСТЕВИЧ

МАТРЁШКИ



12+

Ирина Костевич

Матрёшки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Костевич И.

Матрёшки / И. Костевич — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Когда мама немножко сходит с ума, дедушку захватили в плен пираты, а сама ты хочешь стать ведьмой, то... жизнь внезапно забрасывает тебя в техникум, где учат росписи по дереву. И как с этим жить? Героине Маше лет ещё немного, но она повзрослее иных взрослых тётенок будет. А всё потому, что поняла одну интересную штуку. В повести рассказывается о постижении непростого ремесла художественной народной росписи. И не менее сложного другого ремесла, а может быть, даже и искусства: принятия других людей. Автор - лауреат Всероссийской премии на лучшее произведение для детей и подростков "Книгуру".

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1

Теперь я под наблюдением. Как опасная преступница. Почти как мой дедушка. Вот так...

А начиналось всё хорошо. Утром мы с папой собрались в парк. Папа там будет бегать, изображая канадского лося, я – искать секретные травы и листочки. Новая девочка Ева из второго подъезда научила делать ведьмину лестницу. Пообещала показать ещё кое-что. И мы будем вызывать духов, если я всё сделаю правильно.

Поэтому я волновалась и ждала этой прогулки. В парк меня одну не пускают. Станут пускать, когда исполнится двенадцать. Но мне важно стать ведьмой как можно раньше. И не только потому, что молодые ведьмы выглядят лучше старых. Есть другой важный повод. Потом расскажу.

Скоро осень уже. Светло, весело, сорока за окном стрекочет, ещё одна Сорока – уличная белая с чёрным кошка, сидит на крыше гаража и лапой глаза трёт. С балкона арбузом пахнет! Но утром арбуза не хочется, и мама приготовила банановые блинчики. Мой огромный папа ест и мурлычет от счастья. И всем нам хорошо.

Неплохо было, и когда мама сказала: «Сюрприз-из!»

Именно в этот момент ей позвонили. «Да-да, внизу уже открыто. Поднимайтесь на третий этаж, квартира семь!»

«Кто?» – благодушно спросил папа.

Тут-то мы с ним и узнали, кто... Вернее, ЧТО.

Пока двое рабочих прикручивали повыше-повыше камеры слежения, мама, скрестив руки на груди, улыбалась и нежно на нас с папой поглядывала.

Рабочие справились быстро. Я хотела взять обрезок провода – в таких проводах иногда бывают внутри проволочки, из которых удобно делать кольцо. Но мама сжала моё плечо, вывела в коридор и шикнула: «Не трогай, пусть сами убирают, я им плачу!» Так и осталась я без материала для волшебной вещи. А ведь, если правильно сделать такое кольцо, а потом положить его под камень на перекрёстке старых дорог в лесу, то можно понимать язык животных. Только надо, чтобы оно там лежало три месяца, три недели и три дня, и ещё заклинания требуется читать над этим камнем в лунную ночь: ровно в середине срока, то есть через полтора месяца, полторы недели и полтора дня. Ева мне говорила, какие заклинания, только я их не запомнила. Там в стихах.

«Все стихи – это заклинания, ты что, не знала?!» – удивлялась тогда Ева. У Евы серые волосы, как будто их рисовали простым карандашом. Волосы тоненькие: сразу видно, что карандаш этот был остро заточен. А кожа почти прозрачная. Ева очень умная, я таких девочек ещё не встречала. Она пообещала мне потом написать эти заклинания. Но я должна пройти испытания. Страшные испытания! Да. Мне придётся страдать. И я готова, потому что знаю, чем займусь, став ведьмой.

Итак, мы пошли с папой в парк, а мама осталась дома радоваться камерам и проверять, правильно ли они подключены к её «второму я». Так папа называет мамин айфон. Если правильно, то значит, Маша-Маша (речь идёт обо мне) будет в полной безопасности. И под полным присмотром.

Поэтому я маму очень люблю. Но вот за такое – ненавижу.

Зачем маме камеры слежения за мной? Мы и так всё время рядом. А если я вдруг не дома, значит, я в школе. Даже с Евой мы общаемся потому, что теперь будем учиться в одном классе. Хоть Ева и старше на год. Мама сказала, что Ева потеряла год, потому что болела. И ей даже делали операцию. Как это – потерять год? Будто мы их ходим и в корзинку собираем, как грибы. А иногда там дырка – был год, и нет года. Вывалился. Где же он тогда?

Мама уходит, вот зачем нам камеры слежения. Покидает меня. Но не бросает – хотя я слышала, папа именно так и выразился. Мама остаётся. Но теперь её не будет рядом. Она идёт учиться.

Хотя в парке я тогда нарвала и листья клёна, и листья дуба (папа помог, дотянулся), и несколько стеблей цикория, а дома нашла перья почти дикого гуся из зоопарка и даже иголку дикобраза, ведьмину лестницу я делать не стала.

Потому что это тайное дело. Не для камер слежения. А у нас теперь нет камеры только в туалете. Но ведь унижительно делать волшебную вещь в туалете.

Тогда я позвонила Еве из второго подъезда, и она пообещала дать напрокат настоящую лестницу, чтобы я смогла залезть повыше к этим камерам и заклеить их скотчем. «А лучше исцарапай иголкой объектив» – советует Ева. Что мне за это будет, Ева обсуждать не захотела. «Ведьмы должны страдать, чтобы разозлиться и стать сильнее!»

Две одноглазые камеры – получается, два чёрных глаза. И глаза эти недобрые.

Глава 2

Теперь днём мама сидит у себя в техникуме и управляет мною на расстоянии, будто она – диспетчер, а я – космическая станция. Когда мамин знакомые впервые услышали, что мама пошла учиться в техникум – такая большая взрослая тётя с высшим инженерным образованием – они не стали удивляться. Они закричали: «Йес!» и ударили друг друга по рукам. Потом кто-то из них сказал: «Подобные шаги необходимы для личностного развития. Всё надо попробовать в каждом из воплощений». Я всякий раз удивляюсь, какие же они умные! И не понимаю папу, который спорит с мамой об этом.

Эти мамин знакомые увлекаются чем-то невидимым, умеют издавать протяжные звуки, играя на длинных дудках. Когда они приходят к нам в гости – всегда весёлые Весна, Маруся, Хина и Дима, они зажигают свечи, ароматические палочки и ведут себя по-хозяйски. Моего папу они обычно не дожидаются с его работы. Перед папиным приходом мама как следует проветривает квартиру и пшикает на стены и кресла освежителем воздуха. «Запах океана» написано на баллончике, но мне кажется, пахнет магазином старой одежды. Как бы то ни было, когда папа приходит домой уставший, он мало что замечает и не принимает. Он просто нам рад. Я жду от папы новостей про дедушку. Если папа говорит о нём, мама начинает сердиться, а я – мечтать. Мечтаю о том, как спасу!

Дедушку захватили в плен пираты. Это случилось накануне моего дня рождения, и дедушка в плену уже четыре месяца. Что очень плохо. Хотя моя мама тихо говорит, что так ему и надо, я не могу с ней согласиться. Я люблю дедушку, он приезжает к нам каждый год. Дедушка хороший, он объяснял мне про океан. Какой это огромный мир со своими законами. Рассказывал, как перелётные птицы осенью специально садятся на корабли-сухогрузы, чтобы не лететь, а плыть в Африку – так они берегут свои силы. А однажды рядом с их кораблём летел две недели голубь. Этот голубь был честная птица, хотя и глуповатая, я так думаю. Потому что днём он летел рядом, а на ночь садился отдыхать на палубу. Утром опять летел. Океан в рассказах дедушки был настоящий. А не такой, как у нас в баллончике. Только для смены настроения в квартире.

И теперь у нас так. У меня учёба – и у мамы учёба. Только я во вторую смену учусь, то есть с обеда, а мама – с утра и как получится.

Сегодня в школу не пойду. Не пойду туда я! Мне скучно. А маме скажу, что мне плохо. Что голова болит. Или живот. Вон камера висит – ложусь на тахту, держусь руками за живот. Теперь за голову. Мам, ты что, не видишь, что твоей Маше-Маше плохо?

Не звонит. Значит, не видела. Отвлелась. Мам?! Поворачиваюсь на бок, скрючиваюсь. Начинаю постанывать. Ага! Звонок.

А в трубке мамин голос весёлый-весёлый:

– Маша-Машенька, нас тётя Аня на голубцы позвала!

Тётя Аня! Моя любимая! Голубцы в волшебном доме с камином и борзой Винсентом!

– Ура! – кричу. И разгибаюсь.

В трубке – хоровой хохот. Издевательский. Смеётся мама. Смеются остальные художницы, а это ещё человек десять. Может быть, даже их преподаватель Елена Геннадьевна смеётся – и все надо мной одной. А я иду плакать. В туалет. Куда ж ещё теперь?

Я буду сидеть в туалете долго-долго. И плакать постараюсь тоже долго. Чтобы веки опухли и стали, как пуховые перины и одеяла у двух сестриц-принцесс. Буду плакать, пока не придёт с работы папа. И я не собираюсь отвечать на мамин звонки. А когда спросит, почему молчала, напомним ей, что у меня, между прочим, болел живот. И я чуть не умерла от боли. Вот почему. Не надо было надо мной смеяться.

А то, как не художницы, а кони какие-то. Ржут и ржут...

– *Что мне с ней делать?* – *вопросила Екатерина громовым своим голосом остальных из группы, и некоторые сочувственно мычали. А те, кто не мычал – молчали. И молча жалели Машеньку. Хорошую девочку. Думали, как им уже надоела эта разговорчивая Машина мама со своими проблемами и контролем. Издевается над ребёнком, и остановить некому.*

– *В общем, я её буду к нам приводить! Да, Елена Геннадьевна? – и это был не совсем вопрос.*

Скорее, такое утверждение. В конце которого из вежливости мама Маши поставила интонацией небольшой вопросительный знак: как-никак, к учителю обращается. Пусть и младше этот учитель большинства своих учениц, Елена Геннадьевна, похожая на умную матрёшку, немного вскинула бровь. А потом хлопнула ресницами: «Ну, если у вас нет выбора...»

А дальше все опять стали слушать разговор по телефону. Куда деваться? Урок, не уйдёшь.

– *Ей одиннадцать лет всего! Куда я её дену? Нет, я не могу привозить и увозить её с этих кружков по пробкам через весь город. Забыл уже про «инородные танцы», да? Ага, правильно! Мне некогда. Я учусь! Да, мне так надо. Да, я тоже имею право развиваться! Да, обещаю – окончу техникум и тоже пойду работать. Нет, всё под контролем! А ты мне веток для икебаны привёз? Нет?! Всё, дома поговорим!*

Папа считает, что зря я в техникум с мамой хожу. И что мама зря туда ходит. «Растрата ресурса», – говорит папа. Университет мама прошла, какой после этого техникум? Тогда мама отвечает, что мосты строить её уже научили, только она их ни капельки не строит, потому что ей это не интересно, и она училась на инженера из-за своей мамы, моей бабушки, потому что бабушке так было спокойнее. А вот теперь маму научат делать роспись по дереву. Она станет дипломированным художником и тут уж обязательно начнёт рисовать, потому что любит это дело. А на работу «просто так, чтобы деньги зарабатывать», мама идти не желает. Даже плачет, вот до чего это противно её натуре.

«Художники росписи по дереву». Можно подумать, что это такие художники, которые лазают по деревьям и разрисовывают их. Или даже – расписывают. Пишут всякую ерунду на ёлках и берёзах. Нет, даже так. Они на деревьях подписи свои ставят. Расписываются. Ну, это я так думала, пока мама перед поступлением всё-всё нам с папой не рассказала.

Мама тогда кричала: «Космос!» И глаза её сияли. Она показывала нам картинки на своём айфоне. С маминых красиво изогнутых губ слетали слова-заклинания: «хохлома», «городец», «мезень»... И мы тогда с папой поняли, что мама у нас опять влюбилась. До того она у нас в упаковку влюблена была, везде собирала картонные и пластиковые коробки, складывала их в багажник машины. А потом привозила к моей любимой тёте Ане во двор и опять складывала к остальной горе макулатуры возле теплицы. Приговаривая при этом: «Я помогаю спасти мир!» Раз в месяц макулатуру и пластик забирал спасатель мира покрупнее, дядя Виктор. И вёз к себе на базу для переработки. Мама после этого считала, сколько берёз она спасла, сколько благодаря ей милых зверушек не поранилось острыми краями сломанных пластиковых стаканчиков. А теперь вот хохлома...

ХОХЛОМА! – шепчу я на ночь ведьминское заклинание. И крепко зажмуриваюсь. Хох. Ло. Ма.

Ура!!! Теперь я золотистый хомяк и умею говорить на специальном языке! Только щёки надо получше набить зерном.

Глава 3

Моё самое любимое место на земле – тёти Анин дом. Он сделан из брёвен, в самой середине его баня с парилкой, а наверху, под крышей – комната с большущей кроватью, над которой во всю стену, до самого потолка, висят разные картины. Тут и красивые женщины, и цари, и собаки, и фрукты. Но мы редко бываем в этой комнате. В основном сидим у тёти Ани на веранде. Там каменный пол, много окон, а в углу – настоящий камин. В нём всегда горит огонь. И – тоже всегда – у тёти Ани и её мужа Саши толпятся гости. И поэтому на веранде стоит очень большой овальный стол, на столе – еда, а под столом, за свисающими концами скатерти, прячется борзая Винсент и выпрашивает угощение. Если вдруг угощения для гостей, а, следовательно, и для Винсента, нет, то тётя Аня готовит. Тётя Аня худенькая, высокая, чёрная и очень шумная. Она раскатывает тесто, то и дело размахивая скалкой, громогласно делится новостями, и тут же, без перехода, орёт и на пса Винсента, и на своего сына Гордея, чтобы не мусорили. Потом, как ни в чём ни бывало, продолжает нормально разговаривать. При этом делает пельмени в такой специальной штуке с дырками, чтобы пельменей было много и сразу. Или заворачивает в капустные листья фарш индейки с рисом – если делает голубцы. И следит за огнём в камине – чтобы не погас. Пусть и сентябрь, но после дождей бывает сыро. К тому же над камином сушатся грибы и яблоки.

У тёти Ани глаза, как у оленя, и огромная улыбка. Тётя Аня знает всё и про всех. В её доме пахнет настоящей жизнью. Жизнь, как я её понимаю, здесь просто вихрем носится. Танцует над огнём, скачет искрами в шёрстке проходимца Винсента, вспыхивает в тёти Аниных глазах и улыбке, сияет на боку таза для варенья, отбрасывает солнечные зайчики от часов тёти аниного мужа Саши. Дядя Саша – это спокойный, молчаливый упитанный мужчина со светлыми волосами и бородой. Он приносит продукты и дисциплинирует Гордея и Винсента. Молча. И те его так же, молча, но моментально слушаются. Я так думаю, это потому, что скорость молчания выше скорости звука.

Пока мы ехали к тёте Ане, я загадала – кто же из гостей будет на этот раз? Может быть, привезут кудрявого маленького Володю: с ним классно кататься по деревянному полу бани на скейте. Надо встать на скейт коленками, Володя будет подталкивать, колёса громко стучать. Это очень весело. Мы накатаемся вволю, а потом упадём на этот деревянный пол и начнём смеяться, как бешеные, валяться и дрыгать ногами – как в прошлый раз. Я тогда так бесилась, что даже ногу ушибла об угол скамейки, был синяк. Этот синяк напоминал мне о том, что хоть ненадолго, но у меня был почти братик. А если приедут Милана с Дианой, вообще отлично. Вместе мы играем в театр. Володя тогда служит нам главным объектом: его можно нарядить и в котика, и в ангела. У тёти Ани полно всякой интересной одежды и шляп, и украшений, и вееров – но на всё это можно только смотреть. Однако красную шляпку с маками и ещё одну шляпу – вернее, даже не шляпу, а синий бархатный обруч с бантом, тётя Аня иногда нам даёт. С условием, что мы всем гостям покажем наш спектакль.

А если никого в этот раз не будет – ни Володи, ни Миланы с Дианой, мы просто заберёмся с молчаливым и немного вредным Гордеем в кресло и будем смотреть мультфильмы из прошлого века. Они очень интересные. Наш любимый – «Легенды перуанских индейцев». Я его уже наизусть знаю. Но без Гордея не смотрю. Гордей старше меня на четыре дня. Наши мамы познакомились в роддоме. Так что, получается, из-за нас с ним они теперь вместе.

Начинается мультфильм так: «Давным-давно, а точнее – полторы тысячи лет назад, жил на перуанской земле народ, который не умел ни читать, ни писать. И, может быть, сегодня мы ничего и не знали бы об индейцах племени мочика, если бы ни эти рисунки...» А Винсент

станет отираться рядом, класть свою тонкую собачью мордочку мне на колени и выпрашивать вкусный кусок...

В общем, мне нравятся все варианты.

А ещё я хочу поговорить с тётей Аней отдельно. С глазу на глаз. Это значит, мы подмигнём друг другу и отправимся секретничать в маленькую тёмную комнатку. У тёти Ани есть даже такая – она говорит, что эта комнатка ей необходима, чтобы прятаться от гостей. «Потому что всё едут и едут!» – кричит тётя Аня. А мама бурчит тихонько, что нечего Ане так уж возмущаться. Без гостей, по мнению мамы, тётя Аня зачехнет и быстренько склеит ласты, как тюлень без водоёма.

Моя мама считает тётю Аню ведьмой. Потому что тётя Аня умеет угадывать все мамины желания. Доброй эффективной ведьмой. Вот об этом я и хочу, наконец, поговорить с маминной подругой. Как это у неё так получилось – стать ведьмой? А также я очень хочу узнать – сильно ли она ради этого страдала. И, быть может, она наколдует, чтобы моего дедушку отпустили пираты? Я слышала, за пленников пираты требуют огромный выкуп. А тётя Аня возьмёт и наколдует целый пиратский катер денег! Вот и всё, дедушку отпустят. И остальных – там с ним ещё четверо наших и два француза. Мне жалко их всех-всех. До того жалко, что они мне даже снятся. Так что теперь я знаю, как выглядят и остальные пленники, с которыми дедушка находится. Один француз темнокожий и всё время улыбается, хотя у него грустные глаза. Во сне он со мной даже разговаривает, и, знаете, что удивительно – говорит по-русски! Может быть, его дедушка научил? Другой француз – это худенький старичок в очках, вот он никогда не улыбается. А наши – они наши и есть. Все четверо такие родные и привычные, как водители автобусов. Хотя я езжу с мамой на машине, но я неплохо знаю водителей автобусов. Ведь неподалёку от нашего дома конечная остановка. И там всегда стоит общественный транспорт, а водители – они часто бывают с усами – собираются вместе и курят.

Ох, бедненькие все, кто к пиратам попал. Но дедушку мне жалче всех остальных. Не очень-то приятно попасть в плен к пиратам в 57 лет. И сидеть где-то в Африке, ожидая спасения.

Когда мы с мамой приехали к тёте Ане, машину пришлось ставить за воротами. Потому что двор напомнил мне автостоянку у Центрального рынка.

– Прям свадьба... – хмыкнула мама, пытаясь вписать машину между двумя ничейными ёлками. Между тем, пока она это делала, нам уже сигналили следующие гости.

В этот день дом тёти Ани побил рекорд! В гости съехались 22 взрослых, 21 ребёнок, три собаки и один хорёк по имени Виталик.

Было так шумно и безумно, что мы с тётей Аней даже перемигнуться не успели. Какие уж тут разговоры в секретной комнате! Да и комната перестала быть секретной, став спасательной. Туда поместили Виталика, изолировав от 44 наших детских рук, тянущихся потискать, погладить и покормить такого классного зверя, как Виталик.

А потом Виталик сбежал...

Это произошло потому, что Максим на всех нас обиделся и пошёл плакать в тихое место. Он почти всегда плачет. Его мама говорит, это оттого, что все вокруг – ублюдки, а он – ранимый музыкант. В этот раз мы здорово веселились: нас пустили на второй этаж, и двадцать человек прыгали на кровати, а потом валились друг на друга. И мой любимчик, кудрявый Володя, тоже с нами прыгал. Вы спросите, где в это время был сын тёти Ани Гордей? Он прыгал выше всех! А Богдан, новый мальчик, ему два года, стоял у окна, о чём-то думал и сосал палец. Максим, которому 12 лет, сел за фортепьяно и стал играть что-то красивое и даже прекрасное. Нам нравилось, честно! Но так получилось, что он как раз доиграл, а мы ненадолго тоже замолчали, потому что только что разом все плюхнулись друг на друга, высоко подпрыгнув на кровати, как на батуте. А замолчали, потому что сшибли картину со стены. Именно в это время один мальчик, Тима, весёлый такой, ему восемь, громко пукнул. Он это сделал нечаянно, я уверена.

Возможно, его немного придавили. И слышно было только потому, что все мы замолчали на секунду из-за картины. Переживая, в порядке ли она и не надают ли нам теперь по шеям. На картине были фрукты.

Но Максим страшно обиделся! Он вскочил и побежал вниз, грохоча тапками по деревянным ступенькам так быстро, будто включили аппарат, которым дробят асфальт. Мы слышали, как нервно он попросил у тётки Ани ключи от Виталика. И поняли, что Максим ушёл плакать туда. Потому что он ведь уже большой, и ему стыдно плакать при всех. А может быть, он ещё намеревался при этом гладить Виталика без очереди и сколько захочет. Тогда часть из нас тихонечко пошла за Максимом. Мы хотели утешить его, а некоторые – тоже получить доступ к Виталику. Мы стали кричать ему через дверь, что Тима пукнул не нарочно. И больше всех об этом кричал сам Тима. Но Максим отвечал, чтобы мы шли подальше и прекратили бы уже издеваться над ним. И что мы ни черта не понимаем ни в Шнитке, ни в исполнении.

Тима закричал: «Конечно, друг! Но ты не переживай и выходи, потому что нам очень понравилось, как ты играл. Когда ты вырастешь, то сможешь играть даже в ресторане «Палладиум»! А сейчас сыграй нам что-нибудь ещё!» На что Максим завизжал, чтобы мы убирались, иначе он выскочит и кинет в нас чем-нибудь тяжёлым. Тут появилась мама Максима, прислушалась, всё поняла и покрылась от злости красными пятнами на лице и шее. Она спросила, не хотим ли мы извиниться перед её сыном. Ни тётки Ани, ни моей мамы поблизости не было: все взрослые пошли на улицу. Судя по крикам, они разглядывали новую лодку дяди Саши. И спасать нас было некому. Поэтому мы побежали опять наверх, а вслед нам со скрипом распахнулась дверь секретно-спасательной комнаты, оттуда высунулось тоже красное и с пятнами, как у его мамы, перекошенное лицо Максима и... да, правильно. Мы оглянулись на скрип, а Максим завизжал. Потому что хорёк Виталик, прыгнув ему на голову, переместился на книжную полку и лёгкой тенью просочился в маленькое окно-форточку. И тут мы, или многие из нас, сказали «ой!» Как-то само собой так получилось. Хором.

Максим сразу успокоился, а его мама вдруг начала шарить по карманам, достала телефон, пробормотала: «Ой, я же забыла...» и куда-то быстро ушла.

Максим вскинул голову, оглядел нас и предложил идти к тётке Ане и гостям: признаваться.

И мы пошли. Я взяла вспотевшего Володю за руку и стала представлять, что это мой братик и я, если что, защищу его. К нашей толпе присоединился Богдан. Он очень осторожно шёл, держа перед собой палку. На палке висела проткнутая, чтобы было удобнее, картина. Та самая, с фруктами. Гордей замыкал наш отряд. Проходимец Винсент, который однажды, во время нашего отсутствия других гостей, сбежал из дома, сел в электричку, съездил к морю и вернулся, на этот раз был заперт в парилке и оттуда слегка поскуливал.

Мы шли во двор к лодке и очень боялись.

Оказалось, зря. В общем, нас ждало самое улётно-весёлое веселье из всех, какие только происходили в доме тётки Ани. Все так считают. Не только мы, но и взрослые – тоже. Дядя Саша отбивал на перевёрнутой лодке ритм, а мы водили вместе со всеми гостями хоровод вокруг лодки дяди Саши. Совсем немного проткнутую картину с фруктами тётка Аня подарила маме Максима, чтобы женщина не расстраивалась и всегда имела перед глазами витамины. Хозяина хорька – а им оказался спасатель мира и собиратель макулатуры и пластика дядя Виктор, моя мама и тётка Аня совместно обработали, улыбаясь и расточая комплименты его успехам в деле спасения мира от мусора и вообще. Они радовались, что хорёк Виталик, благодаря нашему коллективному детскому порыву, вышел на свободу досрочно.

Тётка Аня говорила, что диким животным лучше всего жить на природе, а мама вторила что-то про карму, которая станет лучше, если отпустить зверюшку или птичку на волю. Потому что неволя – это как тюрьма. Тогда я сказала, что неволя – это даже хуже. Это как плен у пиратов. Тут мама на меня сердито посмотрела, но все, кто был в курсе, стали спрашивать, а

как там мой дедушка, и что слышно, вообще. А кто не знал, стали выяснять, что ещё за плен. И после – рассказывать свои пиратские истории. У кого они были.

Но на самом деле – пересказывать друг другу документальные фильмы про современных пиратов. Эти фильмы я тоже видела. Так что неинтересно.

Поэтому я нашла-таки момент и спросила тётю Аню напрямик – не может ли она наколдовать катер денег для выкупа дедушки. Но тётя Аня сказала, что нет, увы-увы. Тётя Аня сказала мне, что главное её колдовство – это знакомить людей друг с другом, чтобы они дружили и воплощали вместе какие-нибудь хорошие идеи. А деньги тут ни при чём. Ещё тетя Аня сказала, что страдать ей, как ведьме, действительно, приходится. Но в основном из-за того, что у неё в хозяйстве не предусмотрена посудомоечная машина. И всякий раз она должна мыть за гостями огромные горы посуды. Однако, к счастью, бывают такие сознательные гости, которые не только привозят с собой что-нибудь вкусное, но и любят помогать.

После этого мы с мамой отправились мыть посуду. Я вытирала тарелки и складывала их стопочкой. Думая про то, что придётся всё-таки пострадать самой и какое-то время слушаться во всём Еву. Чтобы стать ведьмой и освободить дедушку. Другого пути у меня теперь нет.

Жаль, конечно.

Глава 4

Сегодня в техникуме я сижу прямо за Василисой и рисую тёте Ане открытку с русско-народной птицей Сири́н. Лучше бы я танцевала – но вокруг все рисуют. Постигают русскую народную роспись. И танцевать мне никто не даст.

А я бы – эх! Залезла бы на подоконник. И там танцевала час, даже полтора. Всё мамино занятие, всю её первую пару. Чтобы было видно отовсюду! Чтобы люди радовались! Станцевала б я ... Да всё, что умею, пока в кружок народного танца ходила. «Иностранного» – это так папа смеялся, когда я стала показывать родителям, чему нас в первую очередь научили. И это был танец живота. Я весной целый месяц ходила в кружок. А потом учительница позволила моим родителям и сказала, сколько надо сдать денег на костюмы. И меня перестали туда водить. Я так и не поняла, это из-за моего танцующего живота или из-за костюмов.

И теперь, вместо меня, на подоконнике в кабинете техникума красуется совсем другое. Шестилитровая бутылка с чистой водой. Коробка, в которой рулоны и листы серой и жёлтой наждачной бумаги. А на полу под окном притаилось ведро с мутной жидкостью – такой в итоге становится вода, в которой купают кисти после температуры. Пусть даже краску брали самых ярких и радостных тонов: сливаясь, она даёт скучный буро-зелёный цвет.

Такой же цвет у меня на душе. И вот я, значит, сижу и тихо рисую. Потом мама отвезёт меня в школу, где, почти уверена, мы с Евой будем тихонько разворачивать фантики на конфетах и постоянно-периодически пинать под столом ботинки Григория. Потому что этот мальчик сидит впереди нас и он очень противный. А завтра опять всё повторится. Вся эта мутная жизнь без волшебства и спасения.

Как бы я хотела стать Гордеем! Или хотя бы Винсентом. Да у тёти Ани я готова кем угодно стать. Хоть подсвечником!

Я Василису из маминой группы почему больше всех люблю? Василиса как скажет: «Жесть!» Как посмотрит решительно – так, что взглядом может угробить коня. А потом обнимает меня и зашепчет, что я её птичка и самая-самая лучшая на свете девочка, и она никому меня в обиду не даст. Василиса тоненькая, чуть толще ветки каштана, что за окном кабинета. А ещё она очень сильная, потому что ест только овощи и фрукты. Василиса собирается пожениться и планирует сделать это где-то через год. Потому что ко всему подходит серьёзно. Она собирается войти в род мужа. А это ведь не просто так, да? Род!

– Вася, ты объясни: род... Вот родители твои тебя родили, родственники с тобой роднятся. А как же твой род? Ты из него уйдёшь, что ли не будешь у них родной считаться? Я тогда лучше замуж не пойду никогда. С дураком каким-нибудь придётся жить, а маму не видеть.

Василиса торжественно отвечает, что у женщины нет рода.

– Да как это нет? Женский род. Мужской род. Так, а что тогда такое средний род? Это чтобы и маму–папу не бросать, и с мужем жить хорошо? Запуталась! Вась?

Василиса вместо ответа протягивает мне пластиковый контейнер для завтраков. Ом-ном-ном! Вкусняшки! Васёнины хрустящие штучки из тёртой морковки, льняного семени, соли и душистых трав.

Когда Василиса рисует, лучше её не отвлекать. Она отгораживается от звуков наушниками и наклоняет голову к листу...

– Вась, Вась! – тычу карандашом в её кружева. – Вась, ты почему одно и то же рисуешь? Странно, но Василиса не чувствует, когда ей в спину тычут карандашом.

Зато оборачивается со своей третьей парты мама и кидает на меня зверский взгляд:

– А ну тихо! Не отвлекай Василису! А то в коридор сидеть пойдёшь. Вась, упаковку потом не выбрасывай!

Васёна оглядывается, подмигивает мне и ничего не объясняет.

Я тяну шею и вижу, как из-под её кисти на альбомный лист выскакивает главная зако-рючка – тонкая вначале и потолще потом. Это будет нижняя часть клюва и брюшко. Другая закорючка – спина. Теперь от её конца вниз – волнистая линия: крыло. Дальше – такое милое жирненькое место, это отдельное пёрышко. И от него начинает идти веером хвост. Капельки-точки, чёрточки, колоски в хвосте. Всё такое ровное-ровное, маленькое-маленькое. И вот оно уже складывается в птичку. Василиса ставит чёрной краской («сажей газовой!» – учит правильно говорить мама) последний кружок – глазик. Секунду смотрит оценивающе, поправляет завиток на крыле и... начинается опять всё та же песня.

Как Василисе не надоест? То, что уже сделано, все эти бесконечные ряды птичек, напоминает ксерокопию. А до звонка ещё 40 минут. Птички-птички... Пересяду-ка я лучше к Насте.

Вот у неё, если что, есть пушистый зайчик на рюкзаке. Мы с Настей будем вместе рисовать. Нет. Лучше вместе в буфет сходим, пока перемена не началась. Чтоб без очереди.

Настя знает мой секрет про лестницу и камеры. Что я исцарапаю объективы. Она говорит, что с ней мама тоже ужасно обращается и сейчас они даже дерутся. Потому что Настя выросла и устала терпеть. Однако Настюня считает, что лучше с камерами всё сделать так, будто оно само собой случилось. **ПОЦАРАПАЛОСЬ**. Нечаянно. «И только, пожалуйста, маме своей не рассказывай!» – шепчет она. Мамина спина впереди. И с мамой шутки плохи, это правда.

Глава 5

– Ко-о-осмос!!! – мама не верит своим глазам. Пошли-то мы с ней на почту, так как мама отследила на сайте, что посылка пришла, и сказала: «Наконец-то! Краски!» Вроде, какой на почте космос может быть? В этом убийственно приличном месте с длинными очередями... Чтобы размяться немного, встали мы с мамой на почте у полок книгообмена. Тут даже не полки, а два шкафа у стены. Книги кое-как лежат, будто стены домов после землетрясения. Всем же скучно на почте, вот и роются. Мама спину свою согнула. Вгляделась. Говорит непедagogично: «Да ну, на фиг!» Выуживает с нижней полки книжку. Стоит, молчит. Потом как закричит про космос!

Мама у меня большая. Поэтому, даже если она просто разговаривает, кажется, что кричит. А уж если ей что нравится/не нравится, то... Папа, кстати, у меня тоже крупный. Даже ещё выше мамы. Он просто огромнущий, вообще большой-большой. Мама с папой советуют: «Пока не выросла, наслаждайся этим. Цени, что не надо, входя в комнату, голову пригибать. Потому что тебе не в кого мелкой быть. Лови момент, Метр Пятьдесят!» А какой момент, когда мне до камер дотянуться надо? И, кстати, уже метр пятьдесят два.

И вот моя мама трясёт книгой перед охранником, который рядом оказался:

– Да вы понимаете, что это? Вот как это? Я подхожу, а она меня ждёт! Здесь же всё про народные промыслы! А я же этим занимаюсь! Вот вы! Какие виды росписи знаете? Хохлому? Красное и чёрное на золотом?

Толстенький охранник ошалело кивает.

– А знаете ли вы, что вот этот золотой фон появляется только после обжига в печи?

– Посуда ведь деревянная? Какой обжиг?

– Да! В том-то и дело! Посуда деревянная, а её обжигают в печи, потому что до того обмазывают вапом – глиной с мелом. И она становится жаропрочной. А поверх вапа присыпают оловянным порошком. А он вообще ни разу не золотистый, а серебряный по цвету.

– Мам, наш номер объявили! – дёргаю её.

– Сейчас – отмахивается мама.

Но охранник уже убегает-отступает, уносит свой живот к дверям. Значит, ему неинтересно было. А про мою маму он подумал, наверное, что психбольная. Мне так жалко маму, что я спрашиваю на ходу: «А почему серебро превращается в золото?» Мама, очнувшись от восторга, устало идёт к окну приёма.

– Потом расскажу. На, картинки посмотри пока.

«Кладовая радости». Автор Анатолий Рогов. «Юному читателю о русском народном искусстве и его творцах». Юный читатель – это я: Маша-Маша. Знаете, почему два раза? Потому что очень хочу, чтобы у мамы с папой были два ребёнка.

В техникуме Настюха показывает мне сине-зелёный синяк на руке:

– Видала, какой большой? Новый...

– Кто тебя? Твоя мама?!

Настя мотает головой отрицательно:

– Это дети. Они убьют меня скоро.

Понятно. Я Настеньку обнимаю и жалею. Маленькие дети бывают и противные, это точно. Но мой братик Макар будет не таким. Будет очень хорошим. Мама обещает только, а братика всё нет. Ну как может не появиться тот, кого ты так ждёшь и обожаешь?!!

А вот Настёне от детей попадает. Она с ними на работе имеет дело. Настя – аниматор в развлекательном центре. Занимается тем, что расписывает мордашки и руки малышни. А дети

её так любят, что норовят сжать изо всех сил. А то и куснуть. Ну, или разогнаться и врезаться в мягкую Настю. Думают, ей не больно. А она потом в синяках.

Настёнину парту легко узнать: пледик, кружка с кофе, много разных вещей. Тут и сумка, и коробка с темперой, и альбом, и свитер вязаный. И рюкзак с зайчиком–брелоком. Высятся Настино добро уютными горами. А Настя между этим всем улеглась почти, голову на парту положила.

– Рисовать хохлому будешь?

– Потом, – отвечает Настя, не поднимая головы с парты и кутаясь в пледик. – Вот ведь: в школе я сидела точно так же за последней партой. И ничего не делала, а только рисовала. На работе я рисую. Пришла учиться – и опять рисую. В чём подвох? Нет подвоха! Хочешь покажу, что дома нарисовала?

Настя достаёт ещё один альбом, там – русалочка, герои аниме. Я сижу и смотрю, как Настюха закрашивает русалке хвост темперой, которая называется «изумрудно-зелёная». Мне очень нравится Настина русалка. По цвету её хвост немного напоминает Настин синяк.

В сто раз интереснее русалка Василисиных птичек. Но мама велела никогда не сравнивать вслух: «Мы, художники, очень обидчивые. Не понравилось – промолчи!» Это их так Елена Геннадьевна учит.

«Не понравилось – промолчи!» Да, мне очень не понравилось, очень! Мне совершенно не понравилось и сейчас не нравится, что теперь я всё время у мамы в телефоне. Маленькая такая, беззащитная. Мне страшно от этого. Я дома, под взглядом этих камеры слежения, боюсь пошевелиться лишний раз. Хотя мама и говорит, что я прекрасно выгляжу на экране. Мне кажется, у меня забирают часть меня и теперь я всё время снимаюсь в кино. И, хотя родители уверяли, что я привыкну – я не привыкла!

Сегодня, когда я не пошла с утра в мамин техникум, а осталась дома, был скандал из-за убежища. Я нашла в высоком шкафу старинную скатерть, вышитую цветочками, и застелила ею свой письменный стол. Стол у меня маленький, а скатерть большая, так что края скатерти свешивались до пола. Я написала записку «Никому не беспокоить!», положила её так, чтобы было получше видно камере. Принесла с кухни печенья и бананов. Залезла под стол на подстилочку. Ну, совсем как тётки Анин Винсент, помните его? И сидела там с телефоном. Хрустя печеньками.

Я бы и так могла сидеть с телефоном, не прячась, но мне хотелось, чтобы никто не знал, чем я занимаюсь. Скатерть, а вечером одеяло и темнота теперь мои лучшие друзья. Они меня защищают. Мама стала названивать ровно через пять минут. Я отвечала из-под стола. Мама требовала, чтобы я вылезала. Я отказалась. Мама пригрозила, что скажет папе. Я была согласна и на это. И что вы думаете? Через полчаса, когда мне уже немного надоело сидеть под столом, и от скуки я стала рисовать зубочисткой на банановых шкурках русалку, как у Насти, мама приехала!

Мама так возмутилась моим поведением, что даже говорить от своей сердитости не могла. Сверкала глазами и расшвыривала вещи: меня за руку – на тахту, сорванную со стола и скомканную скатерть – на высокий шкаф, банановую шкурку с русалкой – в мусорное ведро. А мой телефончик она зашвырнула к себе в сумку.

И после этого мама со мной не разговаривала. Села на кухне у окна и давай себе доделывать задание с хохломой. Очень быстро и ни на что (на меня, к примеру) не отвлекаясь. Будто бы в это время на неё смотрела через камеру её матрёшечная учительница Елена Геннадьевна вместе со всеми руководителями техникума, начиная с директора.

Вот так, в тишине и без обеда, я стартовала в школу. А вечером папа говорил мне, что так грубо вести себя нельзя и не надо расстраивать маму. А то ведь мама и заболеть может.

А ничего, что я тоже могу заболеть? С ума, например, сойти? И поцарапать ваши противные камеры? Как я устала ждать Еву! Ева сказала, что она меня всему научит, если я три месяца не буду задавать ей ни одного вопроса про ведьм и сама не полезу ни на какие сайты, чтобы узнать, а как же это всё делается. Это моё первое испытание. И да, я от него страдаю. Но пока терплю.

Вот о чём я думаю под одеялом и в темноте, А под камерами я уже и думать боюсь. Вдруг у меня по лицу всё заметно, о чём я думаю?

Глава 6

В мире происходит масса интересных, ужасных и восхитительных вещей. Где-то в Азии в городах ходят слоны. В Австралии цветут тысячи прекрасных деревьев. В Южной Америке люди танцуют на улицах. А в Северной Америке одна собака взялась приносить продавцам опавшие листья. Сделав вывод, что ей за это дадут продукты, потому что листья похожи на деньги. В Африке... Впрочем, лучше не надо про Африку...

А у нас всё хохлома да хохлома.

– Как достала эта хохлома! – шипит моя мама вроде как потихоньку, а вообще – то на весь кабинет.

– Это у тебя она ещё получается! – отвечает ей Белла с пятой парты. – Если даже тебя достала, то мне-то каково...

Белла добрая, но с хохломой у неё и впрямь нелады. Она выводит «травки» – это такие скобочки, утолщающиеся к середине, дрожащей рукой. Поправляет свои огромные очки. Снимает, протирает и надевает их опять. Подносит лист к глазам – и тут у неё начинает дёргаться то одно веко, то другое. Опять берётся за кисть. До птичек ей, как до Китая. Елена Геннадьевна не разрешает переходить к изображениям, пока ученицы не освоят базовые элементы росписи.

ЕГ проходит вдоль ряда и спокойным-спокойным голосом даёт указания. Рассказывает, что и как надо делать. На Беллу это действует, как гипноз. Елена Геннадьевна говорит: «Ничего, ничего. Сначала будет криво. Потом станет получше. Потом – ещё лучше. И потом всё получится...» Тогда скобочки у Беллы перестают кособочиться.

Белла оборачивается к нам с Настёной и показывает, что у неё вышло. Настя дипломатично кивает и поднимает в ответ альбом с героями аниме. Белла тоже дипломатично кивает. Белла говорит, что у неё сын чуть-чуть младше, чем Настя, и тоже любит аниме. А Настя рассказывает Белле про свою маму и кота Катю. Катя – потому что он похож на бандита из одного сериала. Бандита по кличке Катя, похожего на кота. Белла с Настей так хорошо общаются, что раньше мы в группе думали, будто они родственницы и знакомы давным-давно. Но потом случайно выяснилось, что Беллу волшебным образом обожают все-все дети. А ведь Настя наша, если подумать, совсем ещё ребёнок.

Конец октября, а у нас всё хохлома. Дошли до цвета! Мама переживает, что в посылке прислали ей золотую краску с каким-то красноватым оттенком. А ей хотелось с зеленоватым. Потому что та, которая теперь у мамы, может выглядеть вульгарно.

– Ну почему у нас так мало магазинов, всё приходится покупать через интернет, а там попробуй, угадай! – злится мама.

– Огонь! – на пороге появляется Оля. Не та Оля, что с чёрными волосами и редко в техникум ходит, потому что работает в магазине. Нет, это Оля, которая... Которая кричит не «Космос!», как моя мама, и не «Жесть!», как Василиса, а вот это своё любимое «Огонь!»

Оля напоминает стихийное бедствие из вопросов, восклицаний, приходов-уходов и возни. Параллельно эта Оля учится в нашем же техникуме на ювелира. Она часто опаздывает, а когда заходит в кабинет, то с порога начинает трендеть без умолку и смеяться сама по себе. Она задаёт миллион вопросов, её брови то и дело взлетают вверх, а волнистые каштановые волосы развеваются. И она всё время кричит, что понимает. То одно она понимает, то другое... «Да, я – эмоциональная! Художники вообще очень эмоциональные люди. Ну, я пока не умею рисовать, как следует, и понимаю это. Но в душе я – художник!» Оля работала раньше гувернанткой.

Поэтому, когда я к ней ещё в самом начале подошла, она мне сказала: «Ребёнок, я всё понимаю. Я же много с детьми бываю. Тебе скучно и ты ищешь, к кому бы пристроиться. Но, пожалуйста, пойми и ты меня: я пришла учиться и мне некогда заниматься тобой. Без обид, хорошо? И, кстати, дома у меня есть сын. Он твой ровесник. А детей я очень люблю. Теперь иди».

Сегодня у Оли был повод крикнуть «Огонь!» Ведь в техникуме Хэллоуин! В школе нам его запретили, а здесь... надо фотографировать побольше. Покажу в классе, что наснимала – все под столы упадут. И, если повезёт, Ева опять захочет говорить со мной про то, как стать ведьмой. Я за эти два с половиной месяца, что длится моё испытание, скоро уже взорвусь от вопросов. У меня столько вопросов накопилось, что даже волосы на голове шевелятся. Вот до чего дошло.

А дедушка у пиратов уже полгода и три недели...

Еле дождалась звонка – здесь он, как в школе: на перемену – с перемены. Мама закрутила себе и мне волосы, как рожки, вперёд, а я предложила обмотаться туалетной бумагой. Но мама сказала, что это несолидно для старосты группы и дочери старосты. Мама – староста, и солидность ей важна. Вышли мы, значит, всей группой на перемене в коридор. А Белла, когда стала разглядывать происходящее, так смеялась, что очки сняла, слёзы утирая. Сослепу директору на ногу наступила.

Директор как заорёт! Наверное, на этот раз от боли.

А так она всё время орёт, но на техникумовских парней:

– Ты почему в таком прикиде? А ну, снял капюшон! Это что за шорты? Вон из техникума! И больше я тебя в таком виде чтоб не видела!

Один раз она даже подкралась к кому-то, сдёрнула бейсболку и начала свой ор, но этот «кто-то» обернулся и сказал: «Мне можно, я – дама!» И тогда директор извинилась. Я сама слышала!

Директор всегда отчётливо накрашена и одета в сильно заметное. Не только на Хэллоуин. А в техникуме, конечно, сегодня веселее обычного. Не одной только директору зажигать.

Вот представьте: длинный-длинный коридор, по нему до туалета бежать семь минут! Вдоль стен стоят витрины с сокровищами. Деревянные яйца с изображениями ликов святых людей, шкатулки, ларцы, доски расписные, поставцы, хлебницы и много разного другого. Даже пушечка есть. И матрёшек много! Всё блестит, играет рябиновым цветом и бирюзой отдаёт, зелёным подмигивает. Это – работы выпускников прошлых лет. Торжественное всё, нарядное. Смотришь на витрину, и будто в церковь попал. А тут на фоне пасхальных яиц и икон бродит, тряся хвостами и ушами, всякая нечисть из группы юристов и делопроизводителей. Скачут, подпрыгивая, раскрашенные под скелеты парни–механики в чёрном и с пирсингом. А в актовом зале безумие: шум, вой, истерика, и какой-то человек в синем парике чуть ли не танцует на фортепиано. Играет, даже не замечая никого. А по стенам она – хохлома... И прочие, неизвестные мне пока, виды росписи.

Глава 7

А у нас в школе ничего особенного в этот день не было. У нас завтра каникулы, и в школе взрослые притворяются, что хэллоуинов в природе не существует. И притворяйтесь дальше, на здоровье! А я фотографии покажу.

Пока не прозвенел звонок, я хвалилась перед ребятами фото и видео из техникума. И, внимание, мои рожки были всё ещё при мне! Народу понравилось. Даже вредному Григорию, который читает только энциклопедии, а остальные книжки называет «ерундой» и никогда ничего не хвалит. Он не похвалил, конечно. Но смотрел. И даже сопел немного. Значит, ему было интересно. Но я очень ждала Еву. Ведь колдуны и всякая нечисть – это по её части. Ева, как нарочно, не шла.

Она пришла минут через десять после звонка, бледнее обычного. Еле поздоровалась с Ниной Петровной, швырнула свою сумку на пол у нашего стола. Зыркнула на мои рожки и даже «привет» не сказала. Чтобы всем было понятно: Ева сегодня злится.

При встрече мы обмениваемся с Евой карамельками. Такой у нас обычай. Можно ничего не говорить, но сунуть конфетку. В ответ получаешь другую. Шуршишь фантиком. Если будешь шуршать непрофессионально – получишь нагоняй от Нины Петровны.

Ева конфетку взяла. Хорошо. Значит, злится не на меня. Но только ответной конфетки я не дождалась. А это что значит?

Поди пойми.

Я придвигаюсь к Еве и открываю фотографии на телефоне. В ответ – косой взгляд, презрительная ухмылка...

Вдобавок к этому Ева шепчет: «Колхоз...»

– Где?!

– Повсюду...

– Почему?

Ева отворачивается. Внезапно она вскакивает и бежит к выходу.

– Котельникова! Это что за фокусы? Вернись? – Нина Петровна с силой хлопает рукой в перстнях по столу. Получается громко и убедительно. Я бы остановилась. Но не Ева.

Её уже с нами нет. Нины Петровны тоже. Побежала догонять ненормальную Еву Котельникову. Испугалась за неё.

Мы минутку тихо посидели. Потом, конечно, начался концерт. Мальчишки стали скакать по столам, Ганушкин выл и кривлялся, Ездаков его бил... Девочки на них орали, чтобы те вели себя тише.

Григорий закатывал свои маленькие глазки и топорщил брови, глядя, как я волнуюсь и пытаюсь Еве позвонить. Потом получил от меня за это линейкой по башке. Не могу на него смотреть спокойно – ну такой противный! Григорий отобрал у меня линейку и стал пугать, что сейчас её сломает. Но я отвернулась и не стала смотреть на эти его выкрутасы.

Вот у мамы в техникуме такое безобразие невозможно! Если Елена Геннадьевна уходит, все как сидели, так и сидят. Ну, чаю иногда попить могут, Берга–каратистка в магазин за пирожками с мясом сгоняет: не может долго без мяса и без движения. Мама говорит, что все такие дисциплинированные у них потому, что хотят учиться на самом деле. Никто их не заставлял в техникум идти.

Нина Петровна вернулась минут через семь и одна.

Она опять постучала кольцами по столу, и мы продолжили учиться тому, чему не очень хотим. Потому что, в отличие от маминой группы, не знаем наверняка, нужно нам это всё или нет.

Настроение у меня испортилось, и больше я уже никому ничего не хотела показывать. Ева ко второму уроку пришла. Ещё звонка даже не было. Села, молчит.

– Ева, ты чего?

Молчит.

– Что-то случилось? Ты ни на что не обиделась?

Молчит. Совершенно не хочет со мной разговаривать. А потом вдруг взяла да как пересела к Григорию!!! Чего? К Григорию?!!

Смотрю: Ева пишет, аж лопатки ходят под кофтой.

Обернулась ко мне и линейку мою кинула на парту. А на ней большими чёрными буквами: «Не Хэллоуин, а Самайн!» Причём, слово «Хэллоуин» жирно-жирно зачеркнуто. А «Самайн», наоборот, Ева подчеркнула волнистой линией. Показывая, как она это слово любит. Или она показывала, что это определение предмета? Пока я думала над этим, Ева оглянулась и странно на меня посмотрела. Именно в этот момент Григорий пришёл в себя после Евиного вторжения на его территорию. Он же у нас такой важный, всегда один сидит, этот Григорий! Стал он Еву выталкивать вместе со стулом. Тут она взвилась, как следует дёрнула его за волосы и пообещала лицо расцарапать. Вошла Нина Петровна и Григорий стал ей жаловаться на Еву. Но учительница опять принялась стучать перстнями. Тем дело и кончилось. А Ева весь урок ко мне не поворачивалась.

Я ей отправила сообщения: «Почему колхоз?» «Почему Самайн?» «Почему волнистая линия?» «Почему ты так на меня посмотрела?» Но она мне ничего не ответила.

Да пошла бы эта серая Ева куда подальше! И я решила плюнуть на все её ужасно-преужасные-ужасающе-пугающие запреты и узнать в интернете про всё-всё-всё. То самое, что меня интересовало про ведьм. И найти ответы на все свои вопросы. Даже про линию эту волнистую.

Камеры в моём доме хороши единственно тем, что научили прятаться. Делать что-либо незаметно. Все остальные уроки я тоже не смотрела на Еву. Я смотрела в экран телефона. Нашла про Самайн. Что это такое, узнавала, и почему он считается круче Хэллоуина. А ещё я нашла сто пятьсот сайтов про магию всех видов. И там было столько советов! Ну, зачем, зачем я слушалась эту несчастную вредную Еву? Давно бы уже сама всё сделала, как надо.

И ведь как же мне повезло! Самайн, ночь Самайна – это как раз сегодня!

Да, утром у мамы в техникуме был Хэллоуин – а оказывается, это дурацкие ряженные игры, в которых отсутствует глубинный магический смысл. А по-настоящему именно в ночь Самайна, который был раньше, чем Хэллоуин (этот Хэллоуин потом придумали, чтобы всё запутать), так вот, в ночь Самайна завеса между мирами становится такой тонкой, что можно позвать с того света любых духов. И они придут! Единственный раз в году бывает такая тонкая завеса между мирами. Представляете, как мне повезло! Вот у меня сегодня вечером будет настоящее колдовство – сильное–пресильное. И никто мне больше не нужен. В частности, эта невоспитанная губастая Ева. Девочка с дурным характером, которая много о себе думает. И, кстати, она неправильно ударения ставит в словах. «ПолОжила», например. Или «брАла». Мама бы меня за такое на два дня телефона лишила! А как стыдно за Еву бывало, когда в школьной столовой она вилок, которой ела второе, потом лезла за варёным яблоком в компот? И этой ли Еве ещё про «колхоз» рассуждать? Да люди из области, которых некоторые зовут «колхозниками» – они бывают самые разные. И очень грамотные и воспитанные бывают. Толку-то, что Ева в городе живёт? Что у неё от этого, хороших манер прибавилось, что ли? Вот и сиди, Ева, со своим Григорием! Портите друг другу нервы – потому что вы оба этого заслуживаете.

Кажется, это называется кармическая связь. Или керамическая. Спрошу у мамы или её друзей. А лучше в интернете посмотрю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.